

УНИВЕРСИТЕТЫ. НАСТОЯЩЕЕ. БУДУЩЕЕ

В.А. САДОВНИЧИЙ, академик Российской академии наук, ректор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Выступление на Первой Международной конференции университетов стран СНГ «Университеты и общество». 23 марта 2000 г. Россия. Москва. Московский университет.

Глубокоуважаемые коллеги по университетскому цеху!

Я искренне рад видеть всех вас на этой научной конференции, сердечно приветствовать и от имени Московского университета выразить надежду на ее успех, уверенность в нашем удовлетворении итогами предстоящей работы!

Когда руководители ведущих университетов собираются где-то и по какому-то поводу вместе, это всегда включает в себе некую для непосвященного таинственную интригу. Но когда в качестве темы встречи выбирается тема «Университеты и общество», становятся понятными масштабы мыслей и действий, до которых наши университеты, так сказать, доросли. Одних, людей преимущественно «казенных», такой подход может сильно озадачить, мол де «много на себя берут». Другие же воспримут нашу конференцию как знак того, что университеты, устояв в годы разломов и потрясений, превратились в весомую общественную силу не только в своих странах, но и на всем постсоюзном пространстве.

Я говорю так категорично, поскольку в последние 2-3 года имел возможность побывать практически во всех странах Содружества Независимых Государств и увидеть собственными глазами, какую роль играют и какое место занимают в обществе ведущие университеты этих стран.

Я говорю так категорично и потому, что Евразийская Ассоциация наших университетов являет собой один из немногих, если не единственный, пример действительно эффективного и равноправного сотрудничества между нашими странами. Это подтверждается характером наших отношений, например, с Межпарламентской Ассамблеей стран СНГ.

Каковы причины того, что университеты приобрели такой большой общественный

вес? Мне кажется, что главных две. Во-первых, университеты лучше других понимают исключительную важность образования и науки для настоящего и будущего своих стран и энергично действуют в этом направлении. Во-вторых, университеты никогда не ссорились и не дрались между собой, никогда и ничего не делили. Наоборот, мы всеми силами и всем, чем могли, поддерживали друг друга. Это важный нравственный урок.

Но вот уже позади первые 10 лет нашей жизни в новых государственных границах и общественных условиях. Не буду делать каких-то специальных политических или экономических выводов. Остановлюсь лишь на тех проблемах университетов, позитивное решение которых, по моему убеждению, значительно повысит их роль в обществе и государстве.

Первая проблема. Я давно уже ее сформулировал как проблему «высшая школа и высшая власть». Она отражает качественное изменение роли университетов в общей системе власти прежде всего с точки зрения нашей собственной, ни с кем не делимой ответственности за судьбы своих стран и народов. Центральным вопросом этой проблемы является вопрос об университетской автономии. Надо подчеркнуть, что в отдельных странах эта автономия трактуется по-разному.

Вторая проблема. Ее суть состоит в том, что принципиально изменилась роль университетов в системе международного образования в целом. Помимо функций коммуникационных центров, связывающих свои страны с зарубежьем, университеты призваны играть роль своего рода механизмов, которые отбирают, перерабатывают и адаптируют поступающее отовсюду знание к местным условиям. Это как бы экспертная функция университетов. Сейчас в наши школы и вузы под видом необходимого знания

вбрасываются огромные массы информационного хлама, антинаучных взглядов и элементарного невежества.

Третья проблема. Она заключается в следующем. Отныне университеты должны играть главную роль в реализации установки на удовлетворение в первую очередь личных прав человека на образование. Однако эту установку не так-то просто сочетать с реальными экономическими и культурными интересами государства и общества, с одной стороны, и с внутренними мотивами саморазвития университетов - с другой стороны. Один пример. Если бы мы в Московском университете поставили задачу удовлетворить личные интересы абитуриентов, то все 4 тысячи мест приема надо было бы отдать юридическому факультету, а на нем готовить только одних адвокатов. Все хотят быть частными адвокатами и мало кто сейчас хочет быть специалистом, например, строящим мосты и дороги.

Четвертая проблема. Она состоит в переводе всего образования, в первую очередь высшего, университетского на принципиально иную методологическую и инструментальную базу, обусловленную новейшими прорывами в науке и технике, прорывами, которые еще только намечились, но заиграют в полную силу в ближайшие 10-20 лет.

Мир вступил в новую постинформационную эпоху. Так мы переживаем период беспрецедентного господства технологий, когда носителями памяти уже является один электрон, а многие приборы изготовлены с применением нанотехнологий. А с другой стороны, происходит гигантский рост быстродействия суперкомпьютеров и эти скорости измеряются величинами порядка 10^{14} и даже 10^{15} операций в секунду.

Ясно, что страна, обладающая такими возможностями в технологиях, на ближайшие годы займет господствующее место в мире и в экономике. Другие страны будут стремиться стать также членами такой корпорации. Возникает вопрос: смогут ли наши страны на равных конкурировать с ними? Каковым будет место нашего образования, науки, наших технологий в мире в эти годы?

Наши университеты, не повторяя и не дублируя уже достигнутое мировой наукой, а взяв все это на вооружение, должны как бы совершить прыжок в это новое качество. Сейчас фактор экономии времени становится наиважнейшим. Как говорил Петр Леонидович Капица: «Сотая доля секунды может показаться вам очень коротким отрезком, но и этого времени будет вполне достаточно, если вы знаете, как им распорядиться».

Глубокоуважаемые коллеги!

Теперь я хотел бы привлечь ваше внимание к некоторым тенденциям, намечившимся в процессе преобразований в классических университетах наших стран. Нам надо их поглубже исследовать и определиться, что будем поддерживать и развивать, а что не будем.

Если говорить о преподавании, то налицо укрепление и расширение университетского математического сектора. Он складывается из чистой, прикладной математики и информатики, которые в ряде университетов как бы объединяются в одно целое. Отсюда актуальность разработки общей стратегии дальнейшего углубления математизации университетского образования. Кстати говоря, сильная университетская математика это то, что безусловно нужно сохранять от прошлого, и что особенно ярко выделяет наши университеты на фоне университетов других стран.

Наблюдается некоторое сокращение и слияние составляющих естественного сектора (физики, химии, биологии и др.) как в связи с падением спроса в отдельных странах на чистых специалистов такого профиля, так и по причине актуализации пограничных, междисциплинарных областей знаний и исследований. Этот вопрос достаточно тонкий и неоднозначный. Но думаю, что и здесь полезной была бы более тесная кооперация университетов наших стран. Если не целесообразно для конкретной страны, например, по причине высоких затрат готовить даже в небольших количествах чистых физиков или химиков, их можно направлять в университеты тех наших стран, которые для себя готовят таких специалистов в значительных количествах.

Еще одна тенденция. Происходит определенное огосударствление

гуманитарного сектора, перед которым ставится задача теоретического обоснования новой государственности и разгрузка национальных культурно-исторических основ от как бы сторонних наслоений. Уже фактически состоялась полная смена пантеона национально признаваемых героев. Поскольку вопрос этот не тривиальный, я бы думал, что нашим университетам было полезно рассмотреть его специально (например, на аналогичной нашей научной конференции). В этой связи не могу не сказать о том, что в гуманитарных и обществоведческих курсах, читаемых в Московском университете, вы не найдете таких, которые бы формировали у наших студентов недружественное отношение к народам и странам бывшего Советского Союза и их истории.

Далее. Мы видим, как в классических университетах возникает своего рода смешанный сектор (по преимуществу чисто прикладного характера) на стыке математического, естественного и гуманитарного секторов. Берется что-то от технических специальностей, что-то от экономики, социологии, психологии и т.д. и все сливается в один сосуд. Появляются специальности, у которых нет очевидной базы в виде одной или двух наук. Какова дальнейшая судьба таких специальностей, не берусь судить, хотя и догадываюсь. Другое дело, когда расширение того или иного сектора университета происходит на прочной научной основе. К примеру, недавно мы преобразовали наш колледж наук о материалах в полнокровный факультет. Но в его фундаменте не сборная солянка, а все современное естествознание и математика. С тех же позиций мы в Московском университете подошли, формируя факультет фундаментальной медицины и факультет педагогического образования.

Наконец, характер тенденции приобрело вытеснение русского языка из систем образования некоторых стран СНГ. Не будем сейчас придавать этой тенденции какой-то специфических политический оттенок. Поставим вопрос по-иному. Как мы можем мыслить себе дальнейшее развитие сотрудничества, в частности, в нашей же собственной Евразийской ассоциации университетов, если перестанем принимать русский язык как язык

межнационального общения. Что, нам срочно надо всем переходить на английский, французский или турецкий? Хочу особо отметить, что и по сей день, и в обозримом будущем основная масса учебной и научной литературы на всем постсоюзном пространстве будет писаться на русском языке. И не по политическим, а по экономическим и обычным человеческим мотивам. Мне хотелось бы просить коллег уделить этому вопросу особое внимание, поскольку он имеет самое непосредственное отношение к нашей общей работе.

Тем не менее все это постепенно видоизменяет привычный облик ряда классических университетов и ставит в повестку дня новые интересные вопросы о последствиях происходящих трансформаций, их конечный результат. Пока более или менее предсказуемо одно: механического превращения наших классических университетов по образу и подобию некоторых европейских или американских университетов не произошло и не произойдет. Главное, что в этом нет необходимости. Наиболее отчетливо это видно на примере введения во многих наших университетах многоуровневости, которая, как мне представляется, больше носит внешний характер, нежели внутренний, так сказать генетический. Анализ существующей хозяйственной и экономической структуры конкретно взятых стран СНГ не дает оснований говорить о том, что для ее обслуживания уже завтра потребуются какая-то принципиально иная, чем сейчас, дифференциация кадров по уровням профессиональной подготовки. Не думаю, что правы те, кто все время пытается доказать нам, что степени доктора и кандидата наук в том виде, как они понимались в недавнем прошлом, ныне себя изжили и от них следует отказаться.

Мы энергично включили в свой лексикон понятие «глобализации». Но не всегда четко раскрываем его смысл применительно к перспективам образования и университетского в том числе. Я думаю, что одна из неточностей состоит в знаке равенства, вернее, в знаке тождества, который ставится между «глобализацией» и «интеграцией» наших вузов (университетов) в международное

образовательное пространство. Еще больше путаницы возникает, когда процесс глобализации сводится к построению модели «информационного общества». В такой упрощенной модели развивается не менее примитивная концепция будущей «высшей школы» как какого-то «бестелесного» сектора в ИНТЕРНЕТе или другом виртуальном океане знаний. Все будущее образование сводится практически к одному «дистанционному» образованию.

На самом деле это не так. Сошлюсь, в частности, на компетентное мнение главных идеологов глобализации из известного Римского клуба, изложенное в его докладе «Первая глобальная революция» (1991 год). Цитирую: «Необходимо подчеркнуть, что вступление общества в период постиндустриального развития совсем не означает, что продукция промышленности, в том числе тяжелой, станет менее необходимой, как то предсказывается в некоторых легковесных публичных заявлениях. Лицам, которые будут заняты в информационной сфере, также потребуются жилье, предметы обихода, продукты питания... Члены постиндустриального общества, вероятно, будут стремиться к независимости, которую позволяет обрести автомобиль, но по мере того как автомобили будут становиться все более дорогими в связи с ростом цен на топливо, парк общественного транспорта будет увеличиваться, а следовательно, будет расти производство автобусов, поездов и судов. На новом этапе общественного развития промышленность будет по-прежнему процветать, но при этом доля занятых в промышленности будет значительно меньше, чем во время расцвета промышленной эры».

Отсюда напрашивается следующий вывод: номенклатура вузовских специальностей в обозримом будущем не претерпит радикальных изменений. Это я к тому, что на заре реформ широко пропагандировалась идея, например, о том, что поскольку -де в светлом будущем под именем «информационное общество» инженеры или аграрии нужны не будут, давайте уже сегодня их подготовку ликвидируем.

Глубокоуважаемые участники конференции!

Я полагаю, что для вас представляет определенный интерес информация о том, чем и как живет на самом исходе истекающего столетия и тысячелетия российская наука, высшая школа, наши классические университеты, в том числе и Московский.

Хочу особо выделить только 3 события: 275-летний юбилей Российской академии наук, Всероссийское совещание работников образования (оно состоялось 14 января) и принятие проекта Национальной доктрины развития образования в Российской Федерации.

8 июня 1999 года вот здесь, в этом Актовом зале, состоялось Торжественное заседание Совета Ученых Советов Московского университета и Президиума Российской академии наук, посвященное юбилею Академии и 200-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина.

Это был мощный аккорд, которым в России завершились празднования двух ее великих юбилеев.

Для нас, людей Московского университета, было особенно важным еще раз заявить о своей приверженности идеалам отечественной науки и культуры, указать на исторически обусловленную теснейшую связь и взаимозависимость этих двух крупнейших интеллектуальных центров страны.

За годы существования Российской академии наук в число ее действительных членов и членов-корреспондентов было избрано где-то около 3 100 ученых. Так вот, каждый четвертый из них, а это 850 человек, были выпускниками и профессорами Московского университета. А в пору максимального взлета отечественной академической науки во главе ее стояли выпускники Московского университета: Сергей Иванович Вавилов, Александр Николаевич Несмеянов и Мстислав Всеволодович Келдыш.

Не менее плодотворен этот уникальный творческий союз для нашего народного образования и высшей школы.

Именно через Московский университет, который является тем корнем, из которого, образно говоря, выросло все древо российского образования, академическая

наука естественным образом перелилась в студенческие аудитории. В результате мы имеем то, что выдвинуло наши университеты в число лучших в мире. А это, несомненно, научность образования, его фундаментальность, его энциклопедичность.

Этот весьма плодотворный опыт взаимодействия Академии и Московского университета, безусловно, будет крайне полезен сейчас, когда проблема интеграции высшей школы и академической науки приобрела «второе дыхание».

Важность второго из названных мною событий Всероссийского совещания работников образования прежде всего в том, что оно не только состоялось (хотя и спустя 12 лет после аналогичного совещания в 1988 году), но, я бы сказал, подвело черту под теми неудачными экспериментами над образованием, которые до недавнего времени именовались реформами. Хочу просто напомнить, что именно на долю Московского университета выпал жребий вступить в дискуссию с теми мощными силами, которые поставили своей задачей необдуманно трансформировать нашу систему образования. Схватка была жесткой, а порой жестокой. Тем приятней и осязательней результат: высшая школа была защищена и сохранена.

Хочу надеяться, что возврата к провалившимся реформам в образовании больше не будет. И чтобы этого не случилось, Московский университет некоторое время тому назад выдвинул идею создания «Национальной доктрины развития образования в России». Эта идея получила решительную поддержку в самых широких кругах нашего общества. Ее поддержали Федеральное собрание и правительство.

Два слова собственно о самой Доктрине.

Выдвигая идею Доктрины, мы преследовали главную цель - прямо поставить перед обществом и государством задачу придания системе образования приоритетного значения в делах дальнейшего обустройства России. Когда я говорю о приоритетности, я имею в виду фактор времени: эту задачу надо решать уже сегодня.

В этом смысле обсуждение и принятие Национальной доктрины развития образования в России - знаковое событие.

Одновременно принятие Доктрины - важный шаг к укреплению взаимного доверия между государственной властью и школой, которого нам явно не доставало. Главное, что шаг этот сделан по обоюдному согласию и навстречу друг другу. Мне кажется, что правительство убедилось в том, что школа за реформы, реформы глубокие и продуктивные, а не показные и дутые. Школа в свою очередь увидела, что не все во власти одержимы «рыночным фундаментализмом» в сфере образования. Значит, к ее мнению там прислушиваются. Школа доказала - нет и не может быть монополии на реформы лишь у чиновничества. Я полагаю, что это крайне важно и для России в целом.

Цель Доктрины и в том, чтобы определить наиболее актуальные проблемы развития образования и сосредоточить на их решении всеобщее внимание и силы. За годы реформ на первый план выдвигались обстоятельства жизни разные проблемы. Вспомним проблему приватизации вузов, проблему отсрочки призыва студентов в армию, проблему задолженности по зарплате и долгов за энергию...

И сейчас проблем немало. Однако особенно важными с точки зрения приоритетности я выделил следующие: обновление принципов связи высшей и средней школы; упрочение государственного статуса учителей школ и преподавателей вузов, развитие федеральных основ системы образования. Собственно, эти проблемы образуют как бы идейный каркас нашей Доктрины.

Первая - это проблема связи высшей и средней школы. Я не раз говорил о том, что возникший разрыв между высшей и общеобразовательной школой достиг катастрофической глубины. Этот разрыв образовался во многом по причине бесконечного экспериментирования со школьным образованием, уменьшения помощи средней школе со стороны федеральных органов управления образованием. Вузам же все время пытались навязать мысль о якобы завышенных с их стороны требованиях к школьникам-абитуриентам. Согласно этой логике, высшую школу нужно опускать до уровня средней школы. Мы же считали и считаем, что, наоборот, нужно среднюю школу поднимать до уровня высшей.

Средней профилированной школе нужен совершенно четкий ориентир. В моем понимании, это поступление после ее окончания в вуз.

Вторая несущая идея Доктрины - это судьба учителя и преподавателя вуза. Н.К.Рерих писал: «Срам стране, где учителя пребывают в бедности и нищете. Стыд тем, кто знает, что детей их учит бедствующий человек. Не только срам народу, который не заботится об учителях будущего поколения, но знак невежества... Так говорю, так повторяю, что народ, забыв учителя, забыл свое будущее». Кардинальной мерой должно быть законодательное отнесение учителя школы и преподавателя вуза к государственным служащим со всем вытекающими отсюда правовыми и материальными условиями. Сегодня учителя и преподаватели - служащие государственного учреждения. На вид простая перестановка слов. На самом деле - иное социальное место в обществе, иная зарплата, иная пенсия и т.д.

Третья проблема - федерализация образования. Это новое прочтение роли и места высшей школы в системе мер по обеспечению национальной безопасности России. Она вызвана тем, что теперь уже никем не скрываемые сепаратистские тенденции в определенных субъектах Российской Федерации приобрели явную форму. Одним из источников этого сепаратизма становится ослабление федеральных основ нашей образовательной системы, их эрозия, которая с неизбежностью влечет за собой разрушение единого образовательного пространства.

Таковы, очень коротко, самые последние по времени события, которыми жила и продолжает жить наша высшая школа.

Ну а Московский университет принял новый старт. 25 января 2005 года он отметит свое 250-летие. Мы хотим, пользуясь таким случаем, не только улучшить собственное положение, но и поднять престиж дел, совершаемых высшей школой России на пользу общества и государства. Думаю, что и в ваших странах это событие найдет свой отклик. Ведь сейчас в наших странах живет и трудится более 80 тысяч выпускников Московского университета.

Дорогие коллеги!

В этом зале собралась огромная общественная созидательная сила, представляющая интеллектуальную и образованную элиту стран Содружества. Нас связывают тесные узы университетской корпорации, наша особая, ключевая роль в прогрессе стран и народов, наша история, благородные идеалы ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ, КУЛЬТУРЫ. Мы многое можем сделать во имя реализации этих идеалов, объединяя наши усилия.

Нельзя упрощать сложность данной задачи, тех трудностей, которые лежат на этом пути. Это и экономические факторы, и объективные проблемы становления собственных национальных подходов к образованию, и изменение в геополитических координатах жизни стран. Пример. Московский университет ежегодно обучает более 1 500 граждан стран СНГ за счет своего бюджета. Но российские контрольные органы считают эти наши действия нарушением принятых у нас норм и инструкций.

Вместе с тем альтернативы сотрудничеству в сфере образования и науки наших стран нет, если понимать его в подлинном глубоком смысле, а не сводить к одноразовым акциям и встречам или основным элементам организации учебного процесса. Какая может быть альтернатива основному принципу жизни наших классических университетов - обеспечению высокого качества образования на основе соединения фундаментальной науки и обучения? Но ведь именно в этом и состоит глубокий смысл и назначение единого образовательного пространства. Именно на этой традиции выросли наши университеты. Именно так воспитаны все сидящие в этом зале. Такую задачу нельзя решить административными мерами. С точки зрения будущего только высокое качество образования обеспечит специалистам во всех странах международный авторитет выпускников наших университетов. Реализация этого принципа - важная гарантия взаимного обогащения национальных систем образования наших стран. Лишь на этой основе будет успешной работа и по обеспечению конвертируемости наших дипломов в мире, в наших странах. Представляется, что, решая данную задачу,

нам нельзя отказываться от признанных во всем мире заслуг и опыта нашей системы образования, постоянно помнить о том, что отстаивание приоритетов науки и образования, их единства - высший нравственный долг и принцип жизни университетов.

Анализируя интеграционные процессы в сфере образования в рамках Содружества, мы не можем не заметить определенного разрыва между принимаемыми решениями на уровне руководства и результативностью совместных действий на более низких уровнях. Нам следует выработать действенный новый механизм взаимосвязи классических университетов, всех высших учебных заведений по горизонтали и вертикали не только на уровне ректоров, но и факультетов, кафедр, научных школ. Для практического решения этой сложной задачи мы сегодня собрались на нашу конференцию. Конечно, определенный опыт сотрудничества на современном этапе у нас имеется - это и работа УМО, и участие в различных советах. Используя этот опыт, следует значительно усилить интенсивность и результаты взаимосвязи по основным уровням и направлениям. Однако этого недостаточно. Следует разработать постоянный действующий механизм нашего систематического сотрудничества. В качестве такового может выступить регулярное осуществление Форума образования у нас, в Московском университете. Мы готовы взять на себя эту важную роль и миссию.

Далее. Нам следует развивать и наполнять новым содержанием деятельность Евразийской Ассоциации университетов - уникальной организации, объединяющей сегодня 69 основных классических университетов - признанных центров образования, науки и культуры стран и регионов. На последнем съезде в Минске Ассоциация взяла ясный курс на решение практических проблем и проектов: это программа «Классический университет», подготовка совместных учебников и учебных пособий, подготовка кадров высшей квалификации и другие.

Очень многое будет зависеть от позиции ведущих национальных университетов стран Содружества. Нам следует подумать о более тесной и систематической координации нашей деятельности, что,

несомненно, благотворно скажется на реализации высоких целей всего университетского сообщества, на повышении роли университетов в принятии решений в сфере образования и науки руководством наших стран.

На конференции мы будем обсуждать различные практические меры и наши конкретные шаги по повышению эффективности сотрудничества.

Конечно, о многом бы еще хотелось сказать. Готовясь к настоящему выступлению, я внимательно прочитал тезисы докладов, представленных на нашу конференцию. Они интересны, конструктивны и несут на себе яркий авторский отпечаток. Поэтому я старался избегать повторений, а также опускать те проблемы, которые нами уже исследованы и по которым есть общая точка зрения.

Время выдвигает университетское сообщество на качественно новые рубежи в деле служения общественному прогрессу. Университеты, объединение наших сил, возможностей, интеллектуального потенциала могут и должны стать реальной основой прогресса наших стран и народов в XXI веке.

Благодарю за внимание.

